

На правах рукописи

Дрепелев Александр Станиславович

**СОУЧАСТНИК ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
ЗАКОН, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Саратов – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова».

Научный руководитель   **Благов Евгений Владимирович**
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Шеслер Александр Викторович**
доктор юридических наук, профессор,
ФКОУ ВО «Кузбасский институт Федеральной
службы исполнения наказаний», профессор

Лапунин Михаил Михайлович
кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия», доцент

Ведущая организация   Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «**Национальный
исследовательский университет
"Высшая школа экономики"**»

Защита состоится 25 декабря 2017 года в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.239.01 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» (http://test.ssla.ru/diss_d.phtml).

Автореферат разослан «__» октября 2017 года.

**Ученый секретарь
диссертационного совета**

Кобзева Елена Васильевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современный этап формирования гражданского общества и становления правового государства в России характеризуется тенденциями существенной регрессии социальных норм и ослабления нравственных устоев. В условиях разрастающегося экономического кризиса это способствует не только росту примитивной преступности от незанятости и безысходности, но и активному развитию пласта сложноорганизованной, полуправовой, интеллектуальной преступности. В обоих случаях особое место среди этих деяний занимают преступления, совершенные в соучастии.

По официальным данным МВД России, последние три десятилетия характеризуются неравномерной динамикой групповых преступлений¹. Так, если в 1990 г. в РФ их было зарегистрировано более 188 тыс., то в 2000 г. – 419 тыс., в 2004 г. – 250,7 тыс., в 2005 г. – 246 тыс., в 2006 г. – 239,1 тыс., в 2007 г. – 225,2 тыс., в 2008 г. – 198,1 тыс., в 2009 г. – 170,6 тыс., в 2010 г. – 145 тыс., в 2011 г. – 132 тыс., в 2012 г. – 123 тыс., в 2013 г. – 116 тыс., в 2014 г. – 103,3 тыс., в 2015 г. – 110,6 тыс., в 2016 г. – 104,3 тыс., а в первом полугодии 2017 г. – 51,3 тыс. (АППГ – 56,1 тыс.)².

Тем не менее, удельный вес названной категории деяний в последнее десятилетие мало меняется, стабильно составляя от 4,6 % до 6,2 %. Особую тревогу вызывает практически полное отсутствие положительной динамики снижения тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в группе (за 10 лет их доля уменьшилась всего на 5 %, составив в 2016 г. 47,7 % от общего числа групповых деяний), а также немалая часть преступлений, совершенных организованной группой или в преступном сообществе (11,9 – 15,4 %)³.

В Ярославской области, которая регулярно входит в десятку регионов с наибольшим удельным весом преступлений, совершенных в группе (от 4,95 %

---

¹ См.: Состояние преступности (архивные данные) [Электронный ресурс] // Сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения 10.10.2017).

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

до 8,24 %), наблюдается примерно аналогичная картина. Так, число преступлений, совершенных в преступной группе, за 2004 г. составило 2800, 2005 г. – 2936, 2006 г. – 2475, 2007 г. – 2435, 2008 г. – 2433, 2009 г. – 1321, 2010 г. – 1381, 2011 г. – 1264, 2012 г. – 1210, 2013 г. – 1110, 2014 г. – 951, 2015 г. – 996, 2016 г. – 1084, первое полугодие 2017 г. – 465 (АППГ – 561)⁴.

Указанные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на принимаемые меры по противодействию преступности, численность преступлений, совершаемых в соучастии, остается недопустимо высокой.

Кроме того, не следует забывать, что абсолютные показатели в этой сфере не всегда объективно отражают реальную картину исследуемых явлений. Ввиду латентности подобных деяний установление всех соучастников, а также доказывание их виновности представляет значительную сложность. Причем в официальной статистике не учитываются преступления, совершаемые при сложной форме соучастия. В связи с этим криминологами используются относительные показатели, в соответствии с которыми в соучастии совершается до трети всех преступлений⁵.

В то же время, как показывают исследования, изменение вышестоящими инстанциями большинства приговоров по уголовным делам с групповым способом совершения преступлений и (или) ролевым соучастием, как правило, обусловлено неправильной квалификацией действий кого-либо из лиц, принимавших участие в преступлении⁶. Отсутствие четкого представления о соучастнике преступления, который представляет собой центральную фигуру института соучастия, значительно осложняет единообразное применение уголовного закона и подрывает уважительное отношение к правоохранительной системе в целом.

---

⁴ См.: Данные ИЦ УМВД России по Ярославской области за 2004 – 6 мес. 2017 гг. (по запросу о предоставлении статистических сведений от 10.10.2017 № 5-1-2017).

⁵ См.: Теория и практика квалификации преступлений: методические указания / сост. Л.Л. Кругликов. Ярославль, 2011. С. 33.

⁶ См.: Луньков Д.А. Посредственное причинение вреда: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 4.

К отмеченному нужно добавить, что некоторые вопросы, касающиеся соучастников преступления, в законодательном порядке урегулированы не в полной мере, либо возникают сомнения в правильности их урегулирования, попытки же подправить уголовный закон посредством его свободного толкования прямо противоречат ст. 15 Конституции РФ. Требуют уточнения понятия исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника, порядок квалификации поведения соучастников преступления. Безусловно, это внесло бы единообразие в правоприменительную деятельность и повысило ее эффективность.

Изложенное свидетельствует об актуальности избранной темы исследования.

Теоретическая основа исследования и степень научной разработанности темы. Фигура соучастника преступления и институт соучастия в целом были предметом исследования В.П. Алехина, А.А. Арутюнова, Н.А. Бабий, Е.В. Благова, А.В. Бриллиантова, Ф.Г. Бурчака, В.В. Васюкова, Б.В. Волженкина, Р.Р. Галиакбарова, П.И. Гришаева, Д.С. Дядькина, Г.А. Есакова, А.М. Зацепина, Н.Г. Иванова, М.И. Ковалева, А.П. Козлова, А.И. Коробеева, Т.И. Косаревой, М.М. Лапунина, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, Р.С. Рыжова, П.Ф. Тельнова, А.Н. Трайнина, М.В. Феоктистова, М.Д. Шаргородского, А.В. Шеслера, В.Ю. Шубиной и некоторых других авторов. Указанные труды послужили теоретической основой настоящего диссертационного исследования.

Вместе с тем изучение монографических и других доктринальных источников позволяет сделать вывод, что в них, как правило, анализируются лишь отдельные аспекты проблемы соучастника преступления, комплексный ее анализ до настоящего времени не проводился. Особо отметим, что само определение понятия соучастника преступления выводится очень редко, причем многие вопросы, касающиеся видов соучастников, их количества и содержания, также остаются неразрешенными.

Объект и предмет исследования. *Объектом* исследования является соучастник преступления как законодательный, теоретический и практический феномен.

Предметом исследования выступают относящиеся к теме и объекту исследования нормы отечественного и зарубежного уголовного законодательства, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, материалы судебной практики, результаты социологического опроса.

Цель и задачи исследования. *Целью* исследования является формирование теории соучастника преступления в уголовном праве России и разработка на ее основе предложений по оптимизации норм действующего уголовного законодательства о соучастнике преступления и практики их применения.

Для достижения названной цели были поставлены следующие *задачи*:

1. Выявить периодизацию становления и развития в отечественном уголовном законодательстве положений о соучастнике преступления.
2. Определить перспективы использования зарубежного опыта нормативной регламентации соучастника преступления в отечественном уголовном законодательстве.
3. Сформулировать дефиницию понятия соучастника преступления, раскрыть природу и характер его деятельности.
4. Обосновать выделение определенных видов соучастников преступления.
5. Раскрыть сущность закрепленных в уголовном законе видов соучастников преступления.
6. Выявить проблемные вопросы признания лица соучастником преступления, возникающие в судебной практике.
7. Определить перспективы нормативного определения понятия каждого вида соучастника.

8. Сформулировать научно-обоснованные предложения по совершенствованию законодательства в части регламентации соучастника преступления и практики его применения.

Методология исследования. Диссертационное исследование в целом базируется на диалектическом методе познания. При решении конкретных задач в работе использованы также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный, логический и др.) и частнонаучные (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, правового моделирования, статистический, экспертных оценок и др.) исследовательские методы.

Нормативно-правовая база исследования включает Конституцию РФ, действующее российское уголовное законодательство, отечественное уголовное законодательство дореволюционного и советского периодов, а также уголовные законы ряда зарубежных стран (Азербайджанской Республики, Великобритании, Израиля, Испании, Канады, КНР, Латвийской Республики, Нидерландов, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Болгария, Республики Казахстан, Республики Молдова, Республики Польша, Республики Узбекистан, США, Украины, Франции, ФРГ, Швейцарии и других) в части, относящейся к объекту и теме исследования.

Эмпирическую базу исследования составляют относящиеся к проблематике диссертации:

- разъяснения Пленума Верховного Суда СССР и РФ;
- опубликованная судебная практика Верховных Судов СССР и РФ;
- судебные постановления районных, областных и приравненных к ним судов субъектов Российской Федерации, размещенные на сайтах государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» и других информационно-поисковых систем, принятые в период действия современного УК РФ;
- следственно-судебная практика Ярославской области (выборочному исследованию подвергнуты материалы более 150 уголовных дел,

рассмотренных судами Ярославской области за период с 2006 г. по июль 2017 г., на предмет правомерности признания лиц соучастниками преступления и иным проблемам соучастия в преступлении);

- материалы российских средств массовой информации и сети Интернет.

Кроме того, для решения поставленных в диссертации задач по специально разработанной анкете проводился опрос практических работников. В рамках анкетирования в период с июля по август 2014 г. было опрошено 100 сотрудников УМВД России по Ярославской области (52 сотрудника Управления уголовного розыска, 30 сотрудников Следственного управления и 18 сотрудников Отдела организации дознания).

Научная новизна диссертации определяется, прежде всего, целью исследования, избранным подходом к ее достижению и основными выводами, содержащимися в работе. Автором проведено первое с момента принятия УК РФ специальное монографическое исследование соучастника преступления как законодательного, теоретического и практического феномена, в результате чего сформирована его теоретическая модель и разработан ряд значимых рекомендаций по введению в уголовный закон дефиниции соучастника преступления, по совершенствованию легальных дефиниций каждого соучастника преступления, а также по оптимизации практики применения соответствующих уголовно-правовых норм.

Сформированные в ходе диссертационного исследования взгляды на проблемы соучастника позволили автору сформулировать ряд характеризующихся научной новизной **выводов и положений, выносимых на защиту:**

1. История развития российского уголовного законодательства о соучастнике преступления включает два периода. Первый период характеризуется появлением отдельных норм, предусматривающих уголовную ответственность за конкретные преступления, совершенные соучастниками (XI в. – конец первой трети XIX в.). Второй период связан с установлением общих правил индивидуальной ответственности соучастников путем

определения их видов, а также с осуществлением деления соучастников по ролевому признаку (с 1832 г. по настоящее время).

2. Современное уголовное законодательство зарубежных государств обнаруживает существование трех подходов к регламентации соучастника преступления: первый заключается в отсутствии общих определений соучастника и (или) его видов, заменяемых подробной регламентацией конкретных преступлений, совершаемых в соучастии (характерен для стран общего права); второй состоит в применении абстрактного приема при описании соучастников и унификации норм о соучастии, соучастник при этом понимается в узком смысле, отличном от понятия исполнителя (характерен для стран романо-германской правовой семьи, а также стран дальневосточной правовой семьи – в части применения абстрактного приема); третий – в признании исполнителя одним из соучастников преступления и закреплении четырехзвенной системы их видов (характерен для постсоветских стран).

При регламентации соучастника преступления более оправданным представляется использование следующих дефинитивных приемов: во-первых, закрепление в законе родового понятия соучастника и его разновидностей, а во-вторых, дефинирование видов соучастников через род и видовые отличия, позволяющие охватить как уже известные способы соучастия, так и возможные к появлению в будущем.

3. Несмотря на то, что в ч. 1 ст. 33 УК РФ установлена легальная классификация видов соучастников преступления, определение делимого понятия соучастника, включающего общие его признаки, в законе отсутствует. Под соучастником преступления следует понимать лицо, подлежащее уголовной ответственности и совершившее умышленное преступление совместно хотя бы с одним лицом, подлежащим уголовной ответственности. Одновременно термин «лицо» в дефинициях конкретных видов соучастников во избежание разночтений стоит заменить термином «соучастник».

4. Предусмотренная в ч. 1 ст. 33 УК РФ классификация видов соучастников преступления, построенная на основе характера фактического

участия соучастника в совершении преступления, представляется оптимальной. Выделяемые в теории соисполнитель, инициатор, заказчик, посредник, руководитель, участник организованной группы, преступного сообщества (преступной организации), корпоративный соучастник поглощаются отраженными в законе видами соучастников и (или) являются показателями степени фактического участия в совершении преступления, в силу чего не могут считаться самостоятельными видами соучастников преступления.

5. В ч. 2 ст. 33 УК РФ среди разновидностей исполнителя преступления соисполнитель прямо не назван. Соисполнители упомянуты в законе лишь как другие лица, совместно с которыми лицо непосредственно участвует в совершении преступления. Поскольку вопрос об уголовной ответственности соисполнителей решается особо в ч. 2 ст. 34 УК РФ, они должны в уголовном законе не только упоминаться, но и быть определены. При этом целесообразно разгрузить определение исполнителя преступления в ч. 2 ст. 33 УК РФ, что позволит исключить противопоставление непосредственного исполнителя и соисполнителя и изъять избыточную информацию.

6. Исходя из ч. 3 ст. 33 УК РФ, только действия всех разновидностей организатора составляют организаторство как таковое. Однако разделять его на части, которые могут выполняться разными лицами, в законе не стоило, ибо оно охватывается более универсальным и емким понятием «управление совершением преступления». Для устранения тавтологичности и громоздкости действующей редакции ч. 3 ст. 33 УК РФ под организатором предлагается понимать соучастника, управлявшего совершением преступления.

7. Понятие подстрекателя к преступлению следует изложить исчерпывающим образом, заменив перечневый способ его конструирования на типовой вариант поведения, поскольку самое главное для подстрекательства – чтобы лицо действительно было склонено к совершению преступления без подавления его воли и введения в заблуждение относительно существа того, к чему его склоняют.

8. Легальную дефиницию пособника уместно изложить исчерпывающим образом, заменив перечневый способ ее конструирования на типовой вариант поведения – существенное содействие совершению преступления. Существенным признается такое содействие совершению преступления, которое было одним из необходимых условий его совершения.

9. Для адекватной регламентации положений о соучастнике преступления назрела необходимость изложить ст. 33 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 33. Соучастники преступления

1. Соучастником преступления признается лицо, подлежащее уголовной ответственности и совершившее умышленное преступление совместно хотя бы с одним лицом, подлежащим уголовной ответственности. Соучастниками преступления наряду с исполнителем признаются организатор, подстрекатель и пособник.

2. Исполнителем признается соучастник, непосредственно (полностью или частично) совершивший преступление. Два или более исполнителя, совместно совершивших преступление, признаются соисполнителями.

3. Организатором признается соучастник, управлявший совершением преступления.

4. Подстрекателем признается соучастник, склонивший другого соучастника к совершению преступления.

5. Пособником признается соучастник, существенно содействовавший совершению преступления».

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные в ней выводы и предложения развивают доктрину уголовного права в сфере затронутой проблематики и могут быть востребованы в дальнейших научных исследованиях проблем, касающихся соучастника преступления.

Практическая значимость диссертационной работы заключается в том, что содержащиеся в ней положения и рекомендации могут быть учтены в правотворческой деятельности при совершенствовании уголовно-правовых

норм о соучастии в преступлении, в правоприменительной практике в рамках квалификации преступлений, совершаемых в соучастии, а также в учебном процессе при преподавании курса уголовного права и иных дисциплин уголовно-правовой специализации.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в 15 научных статьях общим объемом 4,44 а.л., из которых 3 – в журналах из Перечня рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ.

Выводы и предложения, сделанные в работе, освещены в процессе участия автора в международных научно-практических конференциях: «Экономика и преступность» (г. Санкт-Петербург, 28–29 мая 2012 г.), «Новеллы уголовного законодательства и судебной практики по делам об экономических преступлениях (гл. 22 УК РФ)» (г. Ярославль, 3 октября 2012 г.), «Актуальные проблемы модернизации российского уголовного законодательства и практики его применения» (г. Ярославль, 26–27 сентября 2013 г.), ежегодных научных конференциях аспирантов и молодых ученых юридического факультета ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова» (г. Ярославль, 2012–2014 гг.), заочных межрегиональных научно-практических конференциях «Наука и общество: проблемы и перспективы развития» (г. Ярославль, 2016–2017 гг.).

Кроме того, результаты исследования апробированы в рамках работы автора по гранту РГНФ № 14-03-00478 «Основные направления реформирования уголовно-правовых норм о служебных преступлениях и практики их применения на современном этапе развития России», а также в учебном процессе юридического факультета ЯрГУ при прохождении им педагогической практики.

Структура работы определяется целью и задачами исследования и включает в себя введение, три главы, содержащие восемь параграфов, заключение, список библиографических источников и четыре приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность диссертационного исследования, определяются его объект и предмет, цель и задачи, методологическая основа работы, ее теоретические, нормативные и эмпирические источники, формулируются выносимые на защиту положения, аргументируются их научная новизна, теоретическое и прикладное значение.

Глава I именуется **«Исторический и зарубежный опыт законодательной регламентации понятия соучастника преступления»** состоит из двух параграфов.

В *первом параграфе «Соучастник преступления в истории российского уголовного законодательства»* прослежен исторический путь становления и развития в отечественном уголовном законодательстве положений о соучастнике преступления.

С определенной долей условности можно выделить два основных периода развития отечественного уголовного законодательства о соучастнике. В первый период, начиная с XI в. до конца первой трети XIX в., уголовная ответственность устанавливалась лишь за конкретные преступления, осуществленные соучастниками. Это было характерно для законодательства периода Русской Правды, Судебников 1497 и 1550 года, Сборника постановлений церковно-земского собора (Стоглав). По тому же пути пошли Соборное уложение 1649 г., Воинский Артикул и Морской Устав Петра I.

Второй период (с 1832 г. по настоящее время) связан с осуществлением деления соучастников по ролевому признаку, предусмотренное нормами общего характера, начало которому положено в Своде законов уголовных 1832 г., различавшем 1) сообщников, 2) зачинщиков, 3) помощников и

участников, 4) укрывателей. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. сильно усложнило данную структуру, т.к. размежевало соучастников на две группы, поставив их в зависимость от отсутствия предварительного соглашения (главные виновники, участники) или наличия такового (зачинщики, сообщники, подговорщики и подстрекатели, пособники). Причем под разными терминами в указанных источниках подчас скрывалась деятельность лиц, выполняющих похожие или одинаковые функции, происходило их смешение.

Впоследствии Уголовное Уложение 1903 г. существенно упростило классификацию соучастников, выделив тех, кто: 1) непосредственно учинили преступное деяние или участвовали в его выполнении; 2) подстрекнули другого; 3) были пособниками. Таким образом, закреплялась трехзвенная схема: исполнитель – подстрекатель – пособник, которой законодатель придерживался и в первых нормативных актах РСФСР. Именно с этого момента можно говорить об исполнителе как об отдельном виде соучастника. Правда, в УК РСФСР 1926 г. исполнитель был выведен за рамки института соучастия, но в УК РСФСР 1960 г. нормотворец отказался от подобного шага и урегулировал виды соучастников более полным образом с указанием функций каждого. Кроме того, в данный перечень был включен организатор, который не рассматривался ранее как самостоятельная фигура.

Таким образом, исходя из ранее действовавших источников уголовного законодательства, автором выявлена тенденция развития отечественного уголовного законодательства в направлении от специальных норм, предусматривающих уголовную ответственность за участие в преступном деянии, к установлению общих правил индивидуальной ответственности соучастников путем определения их видов, что, в конечном итоге, ведет к дифференциации и индивидуализации ответственности и представляется более предпочтительным.

Во *втором параграфе «Соучастник преступления в зарубежном уголовном законодательстве»* проводится сравнительный анализ нормативных

положений о соучастнике в российском и зарубежном уголовном законодательстве. В зависимости от принадлежности национального законодательства к той или иной правовой семье, в части регламентации соучастника преступления можно выделить две основные группы зарубежных стран.

Первую составляют страны общего права, характерной особенностью правовых актов которых является отсутствие общих определений соучастника или его видов, заменяемое подробной регламентацией конкретных преступлений, совершаемых в соучастии. Однако излишняя детализация при изложении нормативного материала обуславливает громоздкость закона и не обеспечивает его беспробельности.

На фоне первой группы заметно выгоднее смотрятся представляющие вторую группу страны романо-германской и дальневосточной правовой семьи, законодательства которых имеют тенденции к унификации норм о соучастии и применению абстрактного приема при описании соучастников преступления. Вместе с тем в большинстве западных стран, в том числе тех, где имеется легальное определение соучастника, он понимается в узком смысле, отличном от понятия исполнителя.

В отдельную группу стоит выделить постсоветские страны, нормотворцы которых в целом придерживаются той же техники регламентации соучастников, что и в других национально-правовых системах континентальной Европы. Главное отличие заключается в признании исполнителя одним из соучастников и закреплении четырехзвенной системы видов. В свою очередь, определение соучастника преступления дается через перечисление его видов.

Исследование показало, что закрепление отечественных норм о соучастниках происходило, в том числе, на основе законодательного опыта западных стран. При этом Россия сама во многом «задает моду» для законодательств многих стран ближнего зарубежья по данному вопросу.

Одновременно некоторые подходы к регламентации соучастников преступления, имеющиеся в иностранных законодательствах, следует признать более оправданными и заслуживающими внимания современного российского нормотворца. К таковым, в частности, относятся, закрепление в законе родового понятия соучастника и его разновидностей, и формулирование определений понятий видов соучастников через род и видовые отличия (поскольку это позволяет охватить как уже известные способы соучастия, так и возможные к появлению в будущем).

Глава II работы именуется «**Соучастник преступления: понятие и виды**» и состоит из двух параграфов.

В *первом параграфе «Понятие соучастника преступления»* рассматривается сущность соучастника преступления, исследуются его признаки и вырабатывается его дефиниция. Установив, что в ч. 1 ст. 33 УК РФ закреплена легальная классификация видов соучастников преступления, диссертант приходит к выводу, что определение делимого понятия соучастника, включающего общие для всех соучастников признаки, в законе отсутствует. В связи с этим при квалификации совершенного приходится обращаться к более широкому по объему понятию соучастия, содержание которого включает и иные составляющие (формы соучастия).

Хотя существование соучастника вне рамок соучастия немислимо, последнее представляет собой уголовно-правовое явление, тогда как соучастник – особая категория лица, совершающего преступление, а потому смешение того и другого является некорректным. В целях соблюдения правила о непрерывности деления и устранения проблем, возникающих в процессе квалификации поведения соучастников и препятствующих однозначному пониманию и применению закона, предложено ввести в УК РФ легальную дефиницию соучастника преступления, которая совершенно четко закрепила бы постоянные обязательные признаки, общие для любого соучастника преступления. Таковыми, по мнению автора, являются следующие: лицо, подлежащее уголовной ответственности, при наличии хотя бы одного такого же

лица (объективно-субъективный признак); совместность совершения преступления (объективный признак); совершение соучастником умышленного преступления (субъективный признак).

С учетом изложенного, установлено, что соучастником преступления является лицо, подлежащее уголовной ответственности и совершившее умышленное преступление совместно хотя бы с одним лицом, подлежащим уголовной ответственности. При этом термин «лицо» в дефинициях конкретных видов соучастников во избежание разночтений предлагается заменить на «соучастник».

Во *втором параграфе «Виды соучастников преступления»* рассматривается вопрос об обоснованности выделения видов соучастников преступления.

На основании действующей редакции ч. 1 ст. 33 УК РФ, в которой закреплена легальная классификация соучастников преступления, анализируются критерии их деления на виды. В результате диссертант присоединяется к преобладающей в настоящее время точке зрения, что таковым является характер фактического участия, т.е. выполняемая соучастником роль.

В развитие идеи о разграничении соучастников по характеру их фактического участия в преступлении автором ставится под сомнение правильность существующих в законе (ч. 3 ст. 34 УК РФ) и на практике вариантов квалификации поведения лиц, одновременно выполняющих функции нескольких соучастников: когда исполнительская деятельность поглощает всякую иную, а организация преступления поглощает подстрекательство и пособничество. Такой подход противоречит общепризнанным правилам классификации, обособлению в законе каждого вида соучастников по выполняемым ими функциям, поскольку характер фактического участия в совершении преступления исполнителя не включает организаторство, подстрекательство и пособничество, а характер фактического участия в

совершении преступления организатора не включает подстрекательство и пособничество.

Диссертант приходит к выводу, что предусмотренный в ч. 1 ст. 33 УК РФ перечень видов соучастников преступления представляется оптимальным. Выделяемые в теории соисполнитель, инициатор, заказчик, посредник, руководитель, участник организованной группы, преступного сообщества (преступной организации), корпоративный соучастник поглощаются отраженными в законе видами соучастников и (или) являются показателями степени фактического участия в совершении преступления, в силу чего не могут считаться самостоятельными видами соучастников преступления.

На современном этапе развития уголовного права отсутствует необходимость появления новых видов соучастников преступления. Совершенствование законодательства и, как следствие, правоприменительной практики в указанной сфере правоотношений видится в корректировке существующих дефиниций разновидностей соучастников преступления.

Глава III работы именуется **«Характеристика соучастников преступления: понятийный и содержательный аспекты»** и состоит из четырех параграфов.

Первый параграф посвящен характеристике исполнителя. Автором анализируются три разновидности исполнителя, закрепленные в ч. 2 ст. 33 УК РФ: непосредственный исполнитель, соисполнитель и посредственный исполнитель.

Специфику первой разновидности исполнителя отражает признак непосредственности. При этом термин «непосредственно», с одной стороны, отграничивает первую разновидность исполнителя преступления от третьей, который как раз не сам, а чужими руками совершает преступление, а с другой, для иных соучастников – исполнитель именно промежуточное звено совершения преступления, ибо без него преступление совершено быть не может: соучастниками преступления организатор, подстрекатель и пособник признаются *наряду* с исполнителем.

Относительно содержания непосредственного совершения преступления диссертант соглашается с распространенным в доктрине мнением, что непосредственное совершение преступления означает выполнение деяния (действия или бездействия), предусмотренного Особенной частью УК РФ. Совершить ни весь состав преступления, ни объективную сторону преступления невозможно, чего нельзя сказать о деянии (действии или бездействии), т.к. «совершить» означает «осуществить задуманное» или «сделать».

В свою очередь, под объемом непосредственного совершения преступления следует понимать, как полное, так и частичное выполнение деяния. При этом частичное выполнение преступления исполнителем предполагает наличие хотя бы еще одного исполнителя, которые вместе являются соисполнителями преступления.

В ч. 2 ст. 33 УК РФ среди разновидностей исполнителя преступления соисполнитель прямо не назван. Соисполнители упомянуты в законе лишь как другие лица, совместно с которыми лицо непосредственно участвует в совершении преступления. Поскольку вопрос об уголовной ответственности соисполнителей решается особо в ч. 2 ст. 34 УК РФ, они должны в уголовном законе не только упоминаться, но и быть определены. По мнению автора, **соисполнителями можно рассматривать двух или более исполнителей, совместно совершивших преступление.**

Третья разновидность исполнителя, как отмечается в исследовании, обозначается различными терминами, однако в любом случае применяется термин «посредственный». Во избежание разночтений при использовании словосочетания «посредственное причинение», включающего в том числе случаи посредственных организаторства, подстрекательства и пособничества, при которых также происходит «причинение» вреда охраняемым законом отношениям, для обозначения исследуемого явления предложен термин «посредственное исполнение».

Помимо прямо названных в законе лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста и невменяемости, через которых происходит посредственное исполнение преступления, в качестве «других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом» допустимы лишь признаки состава преступления, одновременно характеризующие и соучастие в преступлении, поскольку исполнительство для лица, совершившего преступление подобным способом, должно сохраняться. К ним относятся вина и отставание в психическом развитии несовершеннолетнего лица, которое достигло возраста четырнадцати или шестнадцати лет. При отсутствии остальных признаков состава преступления не подлежать уголовной ответственности будет и лицо, совершившее деяние посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности. В качестве «других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом» могут выступать, кроме того, наличие крайней необходимости, физического или психического принуждения, исполнения приказа или распоряжения.

Вместе с тем включение такого феномена, как лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности, в число разновидностей исполнителя как вида соучастника страдает сущностным недостатком, поскольку понятие исполнителя применимо лишь к соучастию в преступлении. Поэтому понятие посредственного исполнения преступления должно быть сформулировано не в норме, регламентирующей виды соучастников, а в отдельной уголовно-правовой норме Общей части Уголовного кодекса.

По мнению автора, в определении исполнителя уместно оставить термин «непосредственно», поскольку он отграничивает исполнителя не только от других видов соучастников, но и от предложенного понятия соучастника.

С учетом изложенного диссертант приходит к выводу о необходимости реформирования законодательной дефиниции исполнителя и целесообразности разгрузить его определение в ч. 2 ст. 33 УК РФ, что позволит исключить противопоставление непосредственного исполнителя и соисполнителя и изъять

избыточную информацию, в связи с чем предлагается авторская редакция ч. 2 ст. 33 УК РФ.

Второй параграф посвящен характеристике организатора. Следуя букве закона, выделено четыре разновидности организатора: лицо, 1) организовавшее совершения преступления, 2) руководившее исполнением преступления, 3) создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию), 4) руководившее организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией).

Поскольку выделение организатора как лица, организовавшего совершение преступления, является тавтологией, первая разновидность организатора должна устанавливаться остаточным методом. К ней относится только то, что лежит за пределами остальных разновидностей.

Исполнение преступления – явно функция исполнителя, поэтому в самом общем виде руководство исполнением преступления должно являться управлением исполнителем, причем руководить исполнением преступления допустимо и не непосредственно, а на значительном расстоянии от места его совершения, например, с помощью современных технических средств связи.

Создание организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) отнесено не ко всем формам соучастия, т.к. в силу ст. 35 УК РФ соучастники объединяются для совершения преступления только в организованную группу и преступное сообщество (преступную организацию).

Руководство исполнением преступления и создание организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) в ч. 3 ст. 33 УК РФ названы отдельно, поэтому руководство последними должно заключаться в управлении уже созданными преступными группами, вне исполнения преступления. В законе прямо сказано о руководстве организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), что предполагает управление ими в целом.

Диссертантом отмечается противоречивость положений ч. 3 ст. 33 УК РФ, допускающей существование организатора в преступном сообществе

(преступной организации), и ст. 210 УК, криминализирующей создание и руководство любым преступным сообществом (преступной организацией), в связи с чем действия такого организатора всегда будут образовывать исполнение преступления.

При определении содержания организации совершения преступления предлагается исходить из того, что закон признает организатором создателя или руководителя. В отношении первой разновидности организатора это означает производство подготовки преступления для другого лица или управление ею вне создания организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) и руководства ими.

В итоге, только действия всех разновидностей организатора составляют организаторство как таковое. Вместе с тем, по мнению автора, разделять его на части, которые могут выполняться разными лицами, в законе не стоило, ибо оно охватывается более универсальным и емким понятием «управление совершением преступления». Поэтому для устранения тавтологичности и громоздкости действующей редакции ч. 3 ст. 33 УК РФ под организатором предлагается понимать соучастника, управлявшего совершением преступления.

В завершении параграфа делается вывод о необходимости реформирования законодательной дефиниции организатора, в связи с чем предлагается авторская редакция ч. 3 ст. 33 УК РФ.

Третий параграф посвящен характеристике подстрекателя.

Исходя из законодательной дефиниции, определяющим в понятии подстрекателя является склонение другого лица к совершению преступления. Изложенные же неисчерпывающим образом способы склонения – лишь показатели того, каким образом оно совершается.

Склонение к совершению преступления – это возбуждение решимости его совершить. В ходе анализа склонения диссертант приходит к выводу, что оно должно происходить в отношении совершения преступления. Соответственно, не может считаться подстрекательством склонение к совершению любых непроступных деяний.

Склонение должно осуществляться к совершению конкретного, определенного преступления. Не может рассматриваться как подстрекательство склонение совершать преступления вообще, преступления, определяемые родовыми признаками (хищения, взяточничество, воинские преступления), заниматься преступной деятельностью (террористической, экстремистской).

Склоняться к совершению преступления должно другое лицо. Поэтому не может считаться подстрекательством склонение к совершению преступления самого себя.

Склонение должно осуществляться в отношении конкретного, определенного лица. Не может рассматриваться как подстрекательство склонение к совершению преступления неопределенного круга лиц.

Учитывая, что в законе о подстрекателе говорится как о лице, «склонившем к совершению преступления», для окончания подстрекательства достаточно, чтобы соответствующее лицо просто склонилось к совершению преступления.

В ч. 4 ст. 33 УК РФ указано, что подстрекательство образует склонение другого лица к совершению преступления определенным способом. Отсюда вне конкретных способов склонения подстрекательство невозможно. В то же время для квалификации подстрекательства не важно, каким способом оно совершено, т.к. в силу ч. 4 ст. 33 УК РФ он может быть любым.

По мнению диссертанта, понятие подстрекателя к преступлению следует изложить исчерпывающим образом, поскольку самое главное для подстрекательства – чтобы лицо действительно было склонено к совершению преступления без подавления его воли и введения в заблуждение относительно существа того, к чему его склоняют.

В завершении параграфа делается вывод о необходимости реформирования законодательной дефиниции подстрекателя, в связи с чем предлагается авторская редакция ч. 4 ст. 33 УК РФ.

Четвертый параграф посвящен характеристике пособника.

Исходя из легальной дефиниции пособника, выделено две его разновидности: 1) лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, и 2) лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а также приобрести или сбыть такие предметы, причем общих поведенческих признаков не имеется.

Пособническое содействие совершению преступления делится на интеллектуальное и физическое. К первому относятся советы, указания, предоставление информации, а к последнему – предоставление средств или орудий совершения преступления, устранение препятствий.

Относительно предоставления информации отмечается невозможность содействия путем молчания. В области предоставления средств или орудий совершения преступления указывается на отсутствие потребности в их различении (такowymi являются любые предметы, которые могут использоваться для совершения преступления). Применительно к устранению препятствий делается вывод, что имеется необходимость расширительного толкования термина «устранение» как ликвидации.

Обосновывается целесообразность закрепления в легальной дефиниции пособника признака существенности. По мнению автора, существенным признается такое содействие совершению преступления, которое было одним из необходимых условий его совершения. Поскольку же в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ даются обязательные разъяснения по вопросам квалификации преступлений, и их содержание является официальным толкованием оценочных признаков в уголовном праве, для обеспечения единства судебной практики предлагаем до внесения изменений в закон назвать и раскрыть признак существенности в одном из таких постановлений.

В отличие от содействия совершению преступления пособнические обещания не делятся на физические и интеллектуальные. Заранее данные обещания в отношении сокрытия преступника, средств или орудий совершения преступления, следов преступления, предметов, добытых преступным путем, приобретения и сбыта последних – это интеллектуальное пособничество. В ходе анализа его содержания отмечается, что сокрытием следует считать обеспечение необнаружения, а при определении преступника – руководствоваться понятием преступления, содержащимся в ч. 1 ст. 14 УК РФ. Относительно приобретения и сбыта предметов, добытых преступным путем, аргументируется несостоятельность возможности их безвозмездной передачи третьим лицам, в противном случае теряется смысл совершения преступления, ибо его результат ничего не дает преступнику.

В целях разграничения заранее обещанного пособничества и преступлений, предусмотренных ст. ст. 175 и 316 УК РФ, установлено, что подобные обещания будут квалифицироваться по ч. 5 ст. 33 в случае, если они были даны другому соучастнику до или во время совершения соответствующих действий. Вместе с тем в соединении с обещаниями признак «заранее» лежит вне соучастия как умышленного совместного участия двух или более лиц в совершении умышленного преступления. При отграничении пособнических обещаний от содействия совершению преступления диссертант пришел к заключению, что обещание не является деятельным участием в совершении преступления, тогда как бездействие, т.е. не деятельное участие в преступлении, применительно к иным соучастникам исключается; обещание дается не в отношении совершения преступления.

Согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ соответствующее пособничество, во-первых, является обещанием укрывательства преступлений, а не самим укрывательством; во-вторых, не сводится к укрывательству преступления, но включает еще приобретение и сбыт предметов, добытых преступным путем. В результате, диссертант приходит к выводу о необходимости изъятия данной конструкции из института соучастия и переноса в ст. 175 и 316 УК РФ с

последующей дифференциацией ответственности за заранее не обещанное и обещанное приобретение и сбыт предметов, добытых преступным путем, и укрывательство преступлений.

Применительно к действующей редакции ч. 5 ст. 33 УК РФ установлено, что содействие совершению преступления и дача обещаний возможны лишь с момента, когда у соответствующего лица такая решимость уже возникла. В свою очередь, содействие совершению преступления, будучи разновидностью деятельного участия в нем, по завершении преступления исключено, а фактического выполнения обещания для признания пособничества не требуется. Относительно периода пособнического содействия совершению преступления и конечного момента пособничества, автор приходит к выводу, что оно допустимо до фактического окончания преступления.

Поскольку в законе не говорится о содействии именно исполнению преступления или даче обещания именно исполнителю, а преступление совершает каждый соучастник и любой из них признается преступником, то, на первый взгляд, пособничество может быть оказано как исполнителю, так и любому иному соучастнику преступления. Однако, до того, как подстрекатель склонил другое лицо к совершению преступления, соучастия с ним еще не возникает, соответственно по склонению функция подстрекателя исчерпывает себя, а значит, для пособничества ему нет времени.

В завершении параграфа делается вывод о необходимости реформирования законодательной дефиниции пособника, в связи с чем предлагается авторская редакция ч. 5 ст. 33 УК РФ.

В заключении в системном виде изложены основные выводы и результаты проведенного исследования.

В приложениях приведены образец анкеты и результаты проведенного социологического исследования.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТАХ:

- статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1. Дрепелев, А. С. О количественном признаке понятия соучастника преступления [Текст] / А. С. Дрепелев // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия : Гуманитарные науки. – 2014. – № 2. – С. 65 – 67 (0,25 а. л.).

2. Дрепелев, А. С. О признаке существенности в определении понятия пособника преступлению [Текст] / А. С. Дрепелев // Вестник Рыбинской государственной авиационной технологической академии им. П. А. Соловьева. – 2015. – № 1 (32). – С. 224 – 229 (0,37 а. л.).

3. Дрепелев, А. С. О совершенствовании регламентации видов соучастников преступления [Текст] / А. С. Дрепелев // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия : Гуманитарные науки. – 2016. – № 2. – С. 82 – 85 (0,33 а. л.).

- статьи в сборниках материалов конференций:

4. Дрепелев, А. С. Об уголовно-правовой оценке посредника в коммерческом подкупе [Текст] / А. С. Дрепелев // Экономика и преступность : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 28-29 мая 2012 г.). – СПб. : БИЭПП-БИИЯМС, 2012. – С. 493 – 497 (0,22 а. л.).

5. Дрепелев, А. С. О классификации соучастников в истории отечественного уголовного законодательства [Текст] / А. С. Дрепелев // Юридические записки молодых ученых и аспирантов. Актуальные проблемы законодательной и правоприменительной практики : сб. науч. ст. / отв. ред. М. В. Лушникова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2012. – Вып. 12. – С. 18 – 19 (0,06 а. л.).

6. Дрепелев, А. С. Специальные нормы о соучастниках преступления в положениях главы 22 УК РФ [Текст] / А. С. Дрепелев // Новеллы уголовного

законодательства и судебной практики по делам об экономических преступлениях (гл. 22 УК РФ) : сб. науч. ст. по итогам II междунар. науч.-практ. Интернет-конференции (3 октября 2012 г.) / отв. ред. Л. Л. Кругликов; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2012. – С. 165 – 169 (0, 22 а. л.).

7. *Дрепелев, А. С.* О необходимости закрепления легального определения соучастника преступления [Текст] / А. С. Дрепелев // Юридические записки молодых ученых и аспирантов: матер. междунар. науч. конф. / отв. ред. М. В. Лушникова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2013. – Вып. 13. – С. 42 – 44 (0,14 а. л.).

8. *Дрепелев, А. С.* Виды соучастников преступления: совершенна ли классификация? [Текст] / А. С. Дрепелев // Актуальные проблемы модернизации российского уголовного законодательства и практики его применения : матер. III междунар. науч.-практ. конф. (26 – 27 сентября 2013 г.) / отв. ред. Л. Л. Кругликов; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2013. – С. 191 – 196 (0,3 а. л.).

9. *Дрепелев, А. С.* К проблеме переноса института соучастия в Особенную часть УК РФ [Текст] / А.С. Дрепелев // Юридические записки молодых ученых и аспирантов : сб. науч. тр. / под ред. М. В. Лушниковой; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2014. – Вып. 14. – С. 37 – 39 (0,13 а. л.).

10. *Дрепелев, А.С.* О некоторых вопросах совершенствования законодательной техники при регламентации определения подстрекателя преступления [Текст] / А.С. Дрепелев // Наука и общество: проблемы и перспективы развития : матер. III межрегион. науч.-практ. конф. науч.-педаг. и практ. раб. / под общ. ред. Н. С. Семеновой. – Ярославль : ЯФ МФЮА, 2016. – С. 125 – 130 (0,35 а. л.).

11. *Дрепелев, А. С.* Организатор преступления: терминологический и квалификационный аспекты [Текст] / А. С. Дрепелев // Наука и общество: проблемы и перспективы развития : матер. IV межрегион. науч.-практ. конф.

науч.-педаг. и практ. раб. (Ярославль, 30 мая 2017 г.) / отв. ред. Н. С. Семенова. – Ярославль : ЯФ МФЮА, 2017. – С. 140 – 145 (0,25 а. л.).

- статьи в иных научных изданиях:

12. Дрепелев, А. С. О законодательной технике регламентации видов соучастников в зарубежных странах [Текст] / А.С. Дрепелев // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе: вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Л. Кругликов; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2012. – Вып. 1. – С. 108 – 117 (0,5 а. л.).

13. Дрепелев, А. С. О дифференциации наказания соучастникам преступления [Текст] / А. С. Дрепелев // Право и практика: Научные труды Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2013. – № 11. – С. 241 – 249 (0,6 а. л.).

14. Дрепелев, А. С. К вопросу о признаке совместности при квалификации исполнительства в преступлении [Текст] / А. С. Дрепелев // Правовая наука в XXI веке: стратегические направления развития : междунар. сб. науч. тр. Вып. 4. / Финанс. ун-т при Правительстве Рос. Федерации, Владим. филиал [ред. кол.: Н.В. Юдина и др.]; отв. ред. Д. А. Зыков. – Владимир, 2014. – С. 204 – 214 (0,43 а. л.).

15. Дрепелев, А. С. К вопросу об уголовно-правовой оценке посредника преступления [Текст] / А. С. Дрепелев // Вопросы городского самоуправления : сб. раб. – Ярославль : МКУ «Институт развития стратегических инициатив», 2016. – С. 93 – 98 (0,29 а. л.).

Подписано в печать 24.10.2017 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,5. Тираж 150 экз. Заказ 28.

Отпечатано в ООО «Копи-Центр»
150000, г. Ярославль, ул. Кирова, д. 16, оф. 4